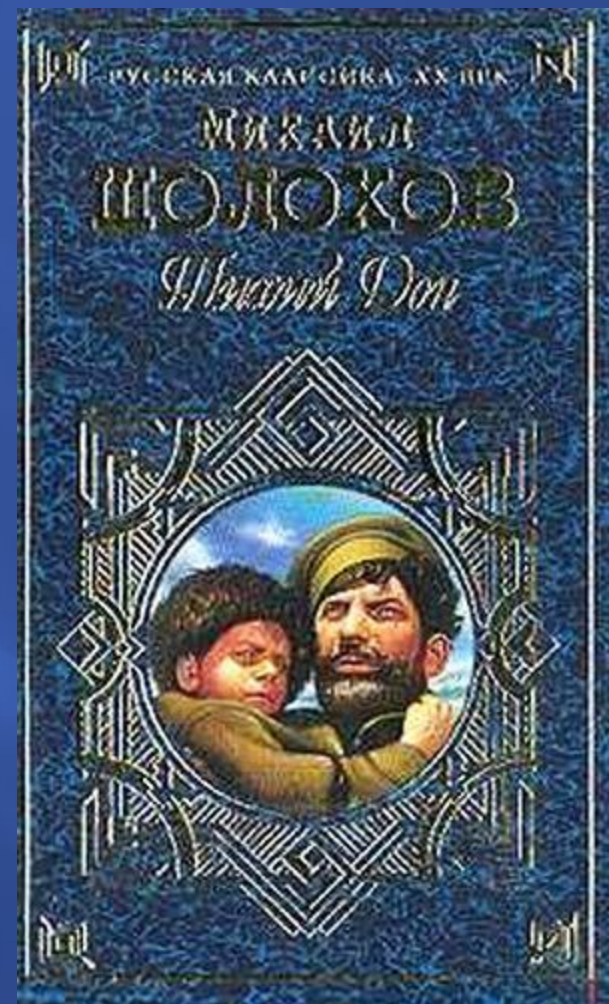

ЗНАЧЕНИЕ ПЕЙЗАЖА В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН»

В романе «Тихий Дон» пейзажные зарисовки приобретают особое идейно-эстетическое значение. Тонко и проникновенно изображает Шолохов родную природу. Все пейзажи в романе соотнесены с человеком, с течением жизни. Своей красотой они оттеняют душевный мир героев, охваченных высокими стремлениями и светлыми чувствами, а также несовершенство человеческого бытия и

Жизнь людей и жизнь природы тесно связаны между собой. «Люди, как реки» – утверждал Лев Николаевич Толстой. И Шолохов продолжает его традиции, уподобляя и судьбу человеческую, и судьбу народную течению реки по извилистому руслу: «Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому она устремит свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает жизнь, как речка на перекате, мельчает настолько, что видно поганенькую россыпь, – завтра идет она полноводная, богатая...» Человек подхвачен бурным потоком жизни, но он не песчинка в водах разлившегося Дона. Свое русло он должен найти сам. Но как определить, по какому руслу ведет жизнь к правде? Этот вопрос не перестает тревожить душу Григория Мелехова.

Григорий видел то, что не дано видеть людям, лишенным духовного богатства. Острое восприятие мира героем автор романа передает через буйное восприятие природы, ее полногласное звучание, ликование и цветение. Здесь и свет холодного пламени месяца, и его черные переливы на ряби Дона, и вечерние вишнево-красные зори, и дивно сияющий, снежный блеск оперения лебедей. В минуты затишья Григорий «жадными глазами озирал повитую солнечной дымкой степь, синеющие на дальнем гребне сторожевые курганы», «закрывал глаза и слышал близкое и далекое пение жаворонков», «шелест ветра в молодой траве», «следил за легким покачиванием багряно-черного тюльпана, чуть колеблемого ветром, блистающего яркой девичьей красотой».

Писатель часто передает чувства героев через их восприятие окружающей природы. Ярким примером этого может служить сцена в весеннем лесу. Уставшая Аксинья решила отдохнуть: «Ненасытно вдыхала многообразные запахи леса сидевшая неподвижно Аксинья, ее глаза терялись в этом чудеснейшем сплетении цветов и трав...» Томительный аромат ландыша пробуждал в Аксинье мысли о прошедшей молодости, и «словно в чистой воде лесного родника увидела вдруг Аксинья свое отражение – так много сказал ее наболевшему сердцу этот цветок, неожиданно привлечший своим грустным и сладостным запахом».

Когда после тяжелой болезни Акси́нья впервые вышла на крыльцо, она долго стояла, опьяненная свежестью весеннего воздуха. «Иным, чудно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир. Блестящими глазами она взволнованно смотрела вокруг, по-детски перебирая складки платья. Повитая туманом даль, затопленные талой водой яблони в саду, мокрая огорожа и дорога за ней с глубоко промытыми прошлогодними колеями — все казалось ей невиданно красивым, все цвело густыми и нежными красками, будто осиянное солнцем».

Картины природы в романе «Тихий Дон» точные, в мельчайших подробностях передающие особенности природы Верхнего Дона, выразительные благодаря яркой метафоричности и колоритному языку, имеют самостоятельную художественную ценность. Но они всегда связаны или с сюжетным движением романа, или с внутренним состоянием героя. При изображении природы автор использовал принцип эпического параллелизма. Пограничное состояние природы, замершей в ожидании грандиозных перемен, – параллель состоянию казачьих хуторов, затаивших дыхание накануне Верхнедонского восстания. Пейзажи придают событиям романа эпический размах и вместе с тем наполнены лиризмом. Иногда лирическое начало выходит на первый план и тогда со страниц романа начинает звучать голос самого автора: «Степь родимая! <...> Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донской, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!»

Писатель подмечает моменты, когда восприятие природы героями становится особенно острым. Примером этого могут служить трагические эпизоды романа, в частности зверское убийство казаками красного командира Лихачева. Идя на смерть, он словно впервые видит красоту весеннего леса, останавливает взгляд на березке: «На ней уже набухали мартовским сладостным соком бурые почки; сулил их тонкий, чуть внятный аромат весенний рассвет, жизнь повторяющуюся под солнечным кругом... Лихачев совал пухлые почки в рот, жевал их, затуманенными глазами глядел на отходившие от мороза, посветлевшие деревья и улыбался уголком небритых губ». И человек с такой естественной привязанностью к жизни должен уйти из нее.

Пейзажи в романе – не застывшие картины, они полны динамики. Автор фиксирует изменения, происходящие в природе, переходы от дня к ночи, от зимы к весне. Показательным примером этого может служить описание потаенной жизни степи, ожидающей прихода весны: «Казакует по родимой степи восточный ветер. Лога занесло снегом. Падины и яры сравняло. Нет ни дорог, ни тропок. Кругом, наперекрест, прили-занная ветрами, голая белая равнина. Будто мертва степь. Изредка пролетит в вышине ворон, древний, как эта степь, как курган над летником в снежной шапке с бобровой княжеской опушкой чернобыла. Пролетит ворон, со свистом разрубая крыльями воздух, роняя горловой стонущий клекот. Ветром далеко пронесет его крик, и долго и грустно будет звучать он над степью, как ночью в тишине нечаянно тронутая басовая струна. Но под снегом все же живет степь. Там, где, как замерзшие волны, бугрится серебряная от снега пахота, где мертвой зыбью лежит заборонованная с осени земля, – там, вцепившись в почву жадными, живучими корнями, лежит поваленное морозом озимое жито. Шелковисто-зеленое, все в слезинках застывшей росы, оно зябко жметя к хрупкому чернозему, кормится его живительной черной кровью и ждет весны, солнца, чтоб встать, ломая стаявший паутинно-тонкий алмазный наст, чтобы буйно зеленеть в мае. И оно встанет, выждав время! Будет бить в нем перепела, будет звенеть над ним апрельский жаворонок. И так же будет светить ему солнце, и тот же будет баюкать его ветер. До поры, пока вызревший, полнозерный колос, мятый ливнями и лютыми ветрами, не поникнет усатой головой, не ляжет под косою хозяина и покорно уронит на току литые, тяжеловесные зерна.

Все Обдонье жило потаенной, придавленной жизнью. Жухлые подходили дни. События стояли на грани». Однозначно определить общее настроение этого отрывка нелегко, так как оно несколько раз меняется. Пейзаж начинается с описания «мертвой» зимней степи: здесь нет движения (многие предложения лишены глаголов), нет звуков, даже полет и «стонущий клеткот» ворона не оживляют картину, а делают ее еще более зловещей. Но когда взгляд писателя-художника более внимательно всматривается в эту картину и проникает в потаенную жизнь степи, возникают краски, появляется движение, едва осязаемое движение природы к весне. И, наконец, финальные строки с их почти стихотворным ритмом, создаваемые синтаксическим параллелизмом и анафорическими повторами («Будут бить в нем перепела, будет звенеть над ним апрельский жаворонок... будет светить ему солнце... будет баюкать его ветер...»), с выразительным рядом аллитераций звучат как торжественный гимн весне.

Включая в повествование пейзажные зарисовки, автор как бы широко распахивает душу читателя для восприятия мира природы после нагнетания художественных средств, привлекающих все внимание к напряженным событиям. Достаточно вспомнить эпизод работы Натальи и Ильиничны в степи. Последняя измена Григория надломилась Наталью, и на фоне надвигающейся грозы она проклиная его. Эта сцена предшествует смерти героини. Вначале природа вполне безразлична к тому, что должно случиться – ничто не предвещает бури, лишь на мгновение набегаает тучка. Но с настроением Натальи в природе происходят заметные изменения: «Все, что так долго копилось у Натальи на сердце, вдруг прорвалось в судорожном припадке рыдания. Она со стоном сорвала с головы платок, упала лицом на сухую, неласковую землю и, прижимаясь к ней грудью, рыдала без слез». Когда Наталья, обращаясь на восток, просила Бога, чтобы он наказал Григория там, на фронте, «черная клубящаяся туча ползла с востока. Глухо грохотал гром...». Ильинична с ужасом смотрела на Наталью: «На фоне вставшей в полнеба черной грозовой тучи она казалась ей незнакомой и страшной». В один момент движения природы и чувства Натальи совпадают, и проклятие Натальи, усиленное метафоричностью грозовой тучи, звучит необычайно выразительно. В этом эпизоде параллелизм перестает быть одним из приемов изображения пейзажа и превращается в важную особенность композиции и характерную черту

О том, что пейзажные зарисовки в романе служат выражением чувств героев, свидетельствует пейзаж, прерывающий авторский рассказ о возвращении Григория домой на побывку. Возвращению Григория в родной дом предшествует красочная картина охоты, в которой писатель с большим мастерством передал охотничий азарт, изобразил панораму степных далей. Безразличная на первый взгляд к Григорию природа новым светом освещает его трагедию. Судьба сбитого гуся напоминает человеческую судьбу и в особенности самого стрелка: «...один гусь, отделившись от уже построившейся гусиной станицы, резко пошел на снижение... Гусь летел в сторону от встревоженно вскричавшей стаи, медленно снижаясь, слабея в полете, и вдруг с большой высоты камнем ринулся вниз, только белый подбой крыла ослепительно сверкнул на солнце». Образом сбитой птицы автор подчеркивает трагичность судьбы Григория.

Природа в романе Шолохова вмещает все битвы и успокаивает любое трагическое потрясение. Пейзаж в «Тихом Доне» выражает оптимизм, готовность природы бесконечное количество раз рождать неотвратимое будущее. Чтобы ни делали люди, природа вечна и неизменна. И это прекрасно понимают герои Шолохова, умеющие слушать шум леса, замечать красоту простых луговых цветов, любоваться созвездиями. В самые трудные моменты жизни они припадают к земле и ищут в нее забвения.